
Интенциональное употребление, *appellatio rationis* и неполные описания состояния объектов: анализ неэкстенциональных контекстов у Ж. Буридана и Е.К. Войшвилло

О. В. Попов

ABSTRACT. This article deals with the content of J. Buridan's notion *appellatio rationis*. J. Buridan's views are juxtaposed with those of E.K. Voishvillo upon the differences between the intensional and extensional use of linguistic expressions. Here is presented the author's original approach towards the interpretation of J. Buridan's conception of intensional contexts, their specific character.

Keywords: Appellatio Rationis, intensional and extensional use of linguistic expressions, intensional contexts

Известно, что Евгений Казимирович Войшвилло, юбилей которого мы сейчас отмечаем, в числе прочих занимался вопросами, связанными с антиномиями отношения именованности. Между тем, эта же проблематика волновала и представителей различных направлений средневековой западноевропейской логики. Вообще, сама постановка проблемы контекстов с не вполне прозрачной референцией, оригинальные варианты объяснения причин возникающих трудностей, в частности парадоксов замены, является одним из выдающихся достижений поздней схоластики, практически полностью или даже совершенно независимым от усвоенного ею наследия античности.

При анализе контекстов, референция которых требует «дополнительных разъяснений», к середине XIV века вполне сформировались два основных направления. Основоположителем

первого может считаться Уолтер Берли. Его «Трактат о суппозициях» был написан еще в 1302 году, а «De puritate artis logicae» — между 1325 и 1328 годами. Самым известным представителем второго направления является Уильям Оккам, основные логические произведения которого появились до 1324 года. Хорошо известно о полемике между двумя мыслителями [6]. Особняком стоит Жан Буридан с его концепцией *appellatio rationis*. Несмотря на сходство позиций Оккама и Буридана по многим вопросам, последний, вне всякого сомнения, был совершенно самостоятельным мыслителем. В ряде случаев, впрочем, наименее интересных с моей точки зрения, Буридан ведет себя как последователь Оккама. Ходячими примерами были высказывания: «Какую-нибудь булочку можно купить где угодно», «Я ел сегодня хлеб много раз», «Вчера я трижды пил вино», «Перец продается здесь, в Риме и в Париже». Представители «линии Берли» («реалисты») говорили об изменении области референции в этих контекстах. Суппозиция меняется с *персональной* на *простую*. В их трактовке наличие простой суппозиции (*suppositio simplex*) у термина в некотором контексте означало, что его *suppositio* совпадает с *significatio*, он больше не указывает на конкретные индивиды, а представляет («замещает») общую природу индивидов именно как индивидов определенного типа (природу вина, хлеба и т. д.).

Концепция реалистов была более тонкой, чем это пытались представить их оппоненты и критики из противоположного лагеря и чем это часто представляется до сих пор. Разумеется, нельзя употребить в пищу «общую природу булочек». Общая природа существует в реальности лишь вместе со своим конкретным индивидуальным носителем. При этом «булочность» той булочки, которую я ел сегодня утром, и того куска хлеба, который я ел вчера вечером, суть две «булочности». Иное дело, что к различию этих двух «булочностей» мы относимся индифферентно.

Мы говорим о том, что все слова, начинающиеся с буквы «п», начинаются с одной и той же буквы, вне зависимости от различий между конкретными экземплярами данного знака. «Человечность» Платона отличается от «человечности» Аристотеля,

но оба они являются людьми именно в силу присущей им обоим человеческой природы.

Существует искушение провести аналогию между концепцией Берли и анализом контекстов косвенной речи у Г. Фреге. Такого рода контексты являются одним из видов контекстов, в которых Берли усматривал изменение суппозиции с *персональной* на *простую*. Г. Фреге считал, что объектами наших утверждений в таких контекстах являются не предметные значения именуемых выражений, которые они имеют в обычных случаях, а их *смыслы*. Известно, что Е.К. Войшвилло рассматривала точку зрения Г. Фреге как неприемлемую, считая, что его решение «означает отказ от принципа предметности в строгом смысле этого слова» [3, с. 50]. При этом, «при определенной корректировке мысли Фреге с ним можно было бы согласиться: правильно было бы считать, что не смысл является объектом утверждения, а предмет, но не вообще в конкретном своем виде, а определенным образом охарактеризованный именно посредством некоторого смысла» [4, с. 68].

Мне думается, что позиция Уолтера Берли, если проводить здесь все-таки определенную параллель, следует рассматривать как уже в значительной степени «откорректированную» в таком именно духе. В высказывании «Я обещаю тебе лошадь» («Я обещаю, что отдам тебе лошадь») термин «лошадь», согласно трактовке У. Берли, имеет простую суппозицию. Но это вовсе не означает, вопреки его критикам, что этот мыслитель считал возможным выполнение подобных обещаний путем передачи «общей природы» самой по себе, «лошадности» вообще, что она является объектом обещания сама по себе. Обещания выполняются, конечно, только при передаче конкретного носителя этой природы, «лошадности», но безразлично, какого именно носителя, и «лошадность» всегда индивидуализирована [8].

Так или иначе, и Оккам, и Буридан одинаково негативно относятся к такого рода решению данной проблемы. Тип референции термина не должен меняться и не меняется в указанных выше случаях. Обозначаются непосредственно индивиды, суппозиция остается персональной. Иное дело, что персональная суппозиция здесь — это не *персональная определенная суп-*

позиция, а *персональная чисто-смешанная* («нераспределенно-смешанная»). Различие может быть описано нами как различие между высказываниями с широкой и с узкой областью действия квантора существования: «Есть булочка, которую я ел в каждом из двух, трех, десяти случаев» и «В каждом из двух, трех, десяти случаев найдется булочка, которую я ел». В первом случае контекст рассматривается как эквивалентный дизъюнкции утверждений об индивидах: «Эту булочку я ел всякий раз, или ту, вторую, я ел всякий раз, или третью... и т. д.», при этом, конечно, к исходному высказыванию мы можем перейти не только от дизъюнкции целиком, но и от любого произвольного дизъюнкта. Во втором случае контекст с общим термином и кванторным выражением может быть замещен на контекст со сложным термином, строящимся из сингулярных выражений с помощью *номинальной* дизъюнкции: «Сегодня я трижды ел *ту или иную* булочку». При этом переход от высказывания, где термин имеет определенную суппозицию, к высказыванию, где его суппозиция чисто-смешанная, рассматривается схоластами как формально правильный. В свою очередь, обратный переход от высказывания с чисто-смешанной суппозицией у термина к высказыванию, где этот термин имеет определенную суппозицию, не допускается.

«Всегда (со времен появления человечества) был какой-то человек». Вместе с этим, Буридан принимает и то, что «нет человека, который был всегда». Эти два высказывания не являются несовместимыми, хотя несовместимы следующие: «Ни один человек не был всегда» и «Какой-то человек был всегда». Но последнее из них не следует из высказывания «Всегда был какой-то человек», поскольку тогда чисто-смешанная суппозиция менялась бы на определенную [6, с. 871, 874–875].

По существу, речь здесь идет об известной ошибке, связанной с перестановкой кванторов общности и существования. Любимый на кафедре логики философского факультета МГУ неформальный пример этой же ошибки: «У каждого человека есть отец, значит, существует некто, являющийся отцом каждого человека».

Вместе с тем, существуют контексты, где описанный выше способ анализа не представляется Буридану приемлемым. В них, в частности, больше не допускается возможность замены термина, имеющего чисто-смешанную суппозицию, даже на «соответствующую» номинальную дизъюнкцию. Контексты такого рода суть *интенциональные*.

В настоящее время принято говорить, что контекст $K(t)$ не является экстенциональным (является интенциональным) относительно входящего в его состав именуемого выражения (или предложения) t , если при какой-нибудь замене имени (или предложения) t в контексте $K(t)$ равнозначным именем (или предложением) изменяется значение контекста. Ясно, что это определение не является эффективным: чтобы доказать, что контекст экстенционален относительно t , надо убедиться, что его значение не меняется при замене t на *любое* выражение, имеющее то же предметное значение.

Вместе с тем, сложилась практика указывать на определенные типы высказываний как на интенциональные. К их числу, во-первых, относят некоторые модальные контексты («некоторые типы высказываний, выражающих необходимые связи» [3, с. 50]), а, во-вторых, «все так называемые прагматические контексты, содержащие отношения человека к каким-то явлениям или предметам, такие, как “знает”, “ищет”, “различает”. . . » [3, с. 49]. К числу этих контекстов относят «косвенные», а также *пропозициональные* установки («предложения мнения»). При этом Е.К. Войшвилло подчеркивает, что «установка» может относиться не только к ситуации, описываемой определенным высказыванием (пропозицией), но и к предмету, каким-то образом поименованному. И с его точки зрения «существенно, что и в случае пропозициональной установки также особо выделяется некоторый предмет» [4, с. 70].

Замечательно, что в точности на эти же классы высказываний как на интенциональные указывает и Жан Буридан. Термин «интенциональный», впрочем, понимается здесь несколько иначе. Речь идет о контекстах, содержащих особые, «интенциональные», операторы. И нет нужды выяснять, может ли какая-нибудь замена составляющих на равные им по референции при-

вести к изменению значения всего контекста: дело в том, что в общем случае никакая замена такого рода (если она основана именно на референции, *suppositio*) в области действия интенционального оператора не является допустимой. Буридан не ставил вопроса о том, может ли контекст, который не содержит интенциональных, с его точки зрения, операторов, оказаться, тем не менее, «интенциональным», то есть таким, в котором замена равных не допускается или может приводить к изменению значения. При этом, однако, необходимо учитывать, что в некоторых особых случаях даже связка «есть» может, по Буридону, играть роль интенционального оператора.

Итак, прежде всего, к числу интенциональных относятся Буриданом контексты, содержащие термины, которые выражают «действие познающей души», или связанные с «сознающей душой»: «понимаю», «знаю», «мыслю», «узнаю», «верю», «полагаю», «убежден», «обозначаю», «хочу», «желаю», «жажду», «обязуюсь», «обещаю» и т. д., а также любые термины, производные от перечисленных. В области действия этих терминов нельзя замещать не только «общие имена» с чисто-смешанной суппозицией. Не допускается замена равного равным в области действия такого рода операторов и в том случае, если в ней находится сингулярное выражение. Если даже единственной лошастью, находящейся в моей конюшне, является Сивка, и я обещаю кому-нибудь единственную лошадь, находящуюся в этой конюшне, это еще не означает, что я обещаю отдать Сивку. Царь из сказки, обещающий отдать Чудищу Болотному то единственное, чего он в своем государстве не знает, вовсе не обещает отдать ему своего первенца.

Оккамовский способ анализа плохо подходит для объяснения этих случаев, Буридан предлагает альтернативу. В интенциональных контекстах замена одного выражения на другое неправомерна в силу того, что наряду с обычной референцией (*suppositio*) термина, находящегося в области действия интенционального оператора, важным становится *appellatio* этого термина. Речь в данном случае идет об *appellatio rationis*.

Термин *appellatio* у Буридана имеет мало общего с его использованием на ранних этапах развития теории суппозиций. У

Петра Испанского, в частности, *appellatio* термина — это множество тех его возможных референтов, которые существуют в реальности (или отношение термина к элементам этого множества) [10]. Буриданово *appellatio* значительно ближе к понятию коннотации у Оккама. Оккам выделял среди категорематических выражений *абсолютные* и *коннотативные*. Последние, наряду с первичным значением, обладают еще и вторичным. К таковым, например, относятся термины, представляющие количественные, физические, геометрические характеристики («фигура», «плотность», «протяженность»), этические характеристики («добро», «зло»), «относительные термины» («отец», «сын», «предок», «учитель») и т. д. Любые конкретные акцидентальные термины также являются коннотативными, поскольку одновременно с обозначением индивидов (термин «белый», например, обозначает белые предметы) соозначают их качества (близну в данном случае).

Теперь техническое решение проблемы, связанной с парадоксами замены, представляется очень простым. В широком смысле значения терминов, находящихся в области действия интенциональных операторов, представляют собой совокупность, «агрегат» из их обычного значения и того, что они соозначают. Соответственно, если «обычная» референция терминов совпадает, а соозначаемые объекты различны, то различны и их значения в широком смысле слова. И это различие становится в таких случаях решающим, именно поэтому не проходит замена одного выражения на другое.

Нечего и говорить, что такого рода трактовка мало что дает для понимания сути этого подхода. Соозначаемые сущности, о которых говорит Буридан, не что иное как элементы особого ментального языка. Буридан обычно пользуется для их обозначения словами «ratio» и «intentio». Первое из них может означать также «определение» или, реже, «довод» (основание для принятия какого-то положения). Я буду также использовать термин «концепт». Его использование стало традиционным в связи с анализом ментального языка у Оккама и аналогичных сущностей в нем. Проблемы их природы, структуры, связи этой структуры со структурой репрезентируемых объектов, синони-

мии в ментальном языке чрезвычайно сложны, и их подробное освещение выходит далеко за рамки настоящей работы. Важно подчеркнуть следующее: выражения естественных языков обозначают что-либо во внеязыковой реальности лишь постольку, поскольку они находятся в определенном отношении (отношении субординации, подчинения, «непосредственного» представления, «непосредственного обозначения») к соответствующим концептам. Отношение это является конвенциональным. В то же время отношение между концептом и тем, что «подпадает под него», «естественно». Буридан говорит, что объект «схватывается» (*concipitur*) или «естественным образом обозначается» (*significatur naturaliter*) посредством концептов. Концепты сами по себе представляют собой некие «способы схватывания» или выделения объектов реальности. Эти «способы схватывания» (и «акты схватывания») всегда индивидуальны, но не субъективны; критерием их успешности является, в частности, взаимопонимание между различными носителями языка.

При этом одни и те же объекты могут выделяться различными способами, «схватываться» посредством разных концептов. И, поскольку мы «можем знать вещь посредством многих различных концептов», то «в соответствии с этими различными концептами я могу полагать различные имена для этой вещи, чтобы обозначать ее» [6, с. 895].

В обычных случаях способы выделения объектов, о которых мы ведем речь, для нас совершенно безразличны. Можно сказать и наоборот: обычные контексты — это как раз те, в которых способы выделения объектов не играют никакой роли. Если даже Буридан и говорит о коннотации концептов вне области действия интенциональных операторов, то они соозначаются «неопределенным образом и в дизъюнкции со всеми другими концептами, посредством которых обозначаемые вещи могут быть [естественным образом] обозначены и поняты» [6, с. 894–895]. Это означает, что такого рода коннотация у всех равнозначных терминов одинакова, а объекты, выступающие в роли их значений, рассматриваются как бы в полноте всех своих характеристик, потенциально позволяющих их различными способами выделить и отличить от других. Именно в связи с этим мы

с легкостью, без какого бы то ни было ущерба, можем заменять одни выражения на другие с тем же значением, хотя и субординированные другим концептам. В интенциональных контекстах ситуация меняется, способ «схватывания» объектов становится важным: в области действия соответствующего оператора термины «соозначают определенно и строго свои собственные концепты» [там же].

На мой взгляд, имеет место очевидная аналогия подходов Ж. Буридана и Е.К. Войшвилло, развивавшего собственную, особую, концепцию, в основе которой лежит различение *экстенционального* и *интенционального* употребления именуемых выражений. Их рассуждения, что поразительно, даже текстуально очень близки. «При экстенциональном употреблении имен мы подразумеваем под именем предметы со всеми их возможными качествами. . . , независимо от того, знаем ли мы или не знаем об их существовании» [4, с. 69]. «Интенциональное употребление имени состоит в том, что обозначаемый именем предмет мы мыслим с какой-то определенной стороны, именно как предмет, обладающий какими-то признаками. . . » [там же]. Е. К. Войшвилло по существу считает, что при интенциональном употреблении именуемых выражений, обозначая объекты, мы одновременно указываем (подразумеваем) способ их выделения. Иначе говоря, мы отличаем объект как носитель определенных характеристик от того же объекта как носителя других.

Но, как только мы начинаем проводить такого рода различение, возникает вопрос, что оно означает с семантической точки зрения. Не наполняем ли мы предметную область множеством двойников реальных объектов. Не приобретают ли, например, независимое друг от друга «существование» Монте Червино как гора, видимая из итальянской Червинии, и Маттерхорн, которым любуются в швейцарском Церматте. На первый взгляд вполне приемлемым является следующее объяснение. Дело не в том, что в реальной ситуации на равных сосуществуют объекты как обладатели различных характеристик и, соответственно, выделяемые посредством различных концептов. Речь о другом. Контексты, содержащие интенциональные операторы, рассматриваются Буриданом до некоторой степени по аналогии с мо-

дальными. А понимание и верификация последних предполагают, кажется, необходимость обращения к множеству альтернативных ситуаций, а не к одной-единственной («действительной» или выделенной по каким-либо иным основаниям). Ситуации эти могут отличаться друг от друга как составом объектов, так и их «текущими» характеристиками. При этом концепты, являющиеся «равнообъемными» в «действительной» ситуации, могут не быть таковыми в альтернативных. Возможно, что именно это мы и должны принимать в расчет при анализе. Множество ситуаций, которые при этом учитываются, определяются прагматически, а равными по значению должны считаться лишь те выражения, которые связаны с концептами, выделяющими одни и те же объекты в каждой из ситуаций, принадлежащих этому множеству.

К сожалению, у нас практически нет оснований для того, чтобы применять описанную выше схему при трактовке концепции Е.К. Войшвилло. Вряд ли Евгений Казимирович согласился бы с тем, что проблему можно целиком свести к так или иначе понимаемому «расширению» предметной области при выделении кореферентных выражений. О приемлемости этого подхода для интерпретации воззрений Буридана также можно говорить лишь с очень большой натяжкой. Использование «одинаковых» языковых выражений в разных случаях, согласно Буридону, не обязательно означает, что мы всякий раз имеем дело с одной и той же *интенцией*. Буридан, конечно, согласился бы в 1327 году, что конструкция «нынешний король Франции» относится к Карлу IV, а в «ситуации» 1329 года — к Филиппу VI Валуа. Но при этом, если я правильно понимаю, речь идет о двух разных индивидуальных концептах [6, с. 120].

Но дело, конечно, не только и даже не столько в этом. Начнем с того, что, с точки зрения Буридана, существуют языковые выражения, референция которых в любой ситуации *ничтожна*, у них просто нет никаких референтов, включая «чисто возможные» сущности, ни в какой ситуации. Примером может служить термин «химера». Это что-то вроде любимого у нас «круглого квадрата» или, точнее, «некруглого круга». Никаких химер не существует. Более того, согласно Буридону, их нельзя даже во-

образить [6, с. 834]. Вместе с тем, это не означает, что слово «химера» не может находиться в интенциональном контексте. Тем не менее, заменить термин «химера» в таком контексте на термин «вакуум» нельзя, хотя, с точки зрения схоластов, у последнего, как и у первого, нет никаких «суппозитов» ни в одной возможной ситуации. Высказывания «Жан считает, что нельзя вообразить химеру» и «Жан считает, что нельзя вообразить вакуум» не следуют друг из друга, точнее, ни одно из них не следует из другого.

Для того чтобы объяснить это, Буридан делает несколько важных замечаний. Множество объектов, которые «схватываются», «понимаются» посредством концепта («интенции», «ratio»), и множество объектов, «подпадающих» под концепт, могут не совпадать. Совпадение обязательно лишь для «простых интенций», впрочем, даже здесь есть исключения [6, с. 835–837]. Об объекте *k* можно говорить, что он подпадает под концепт «*A*» («подпадал», «будет подпадать», «может подпадать»), если и только если высказывание «*k* есть *A*» («*k* был *A*», «*k* будет *A*», «*k* может быть *A*») является истинным. Интенция «стоит для» (*supponit pro*) таких объектов. Здесь явно угадывается идея функции, область определения которой есть множество индивидов, а область истинности — такое его подмножество, в котором каждый элемент «подпадает» под соответствующую «интенцию». Выражение языка, «конвенционально субординированное» данной интенции, может трактоваться как своеобразная переменная, область возможных значений которой совпадает с множеством объектов, подпадающих под интенцию. Это не касается выражений, представляющих индивидуальные концепты, которые Буридан не отождествляет с концептами, под которые «подпадает» единственный объект [6, с. 120]. При этом все выражения такого рода, включая те, которые Буридан называет простыми, следует трактовать как *описательные*: речь идет именно о делении описательных выражений на простые описательные и сложные описательные.

Переменные, подобные тем, о которых здесь идет речь, Е.К. Войшвилло называл «специфицированными переменными». Специфицированная переменная представляет собой вы-

ражение вида $x \in A(x)$, которое читается следующим образом: «объект x из некоторого множества M такой, что для него верно $A(x)$ ». Именно такого рода конструкции, согласно классической теории Е.К. Войшвилло, выражают в языке понятия. В отличие от обычных индивидуальных переменных они содержат информацию об области своего изменения. Выражение $x \in A(x)$ может трактоваться обобщенно: «система объектов из соответствующих областей, число которых больше или равно одному, для которых верно, что они находятся в отношении A ».

В.А. Бочаров предложил называть специфицированные переменные термином «универсалия». В ряде статей им было описано особое исчисление предикатов, свободное от экзистенциальных предпосылок («субъектно-предикатное исчисление с равенством»), которое содержит аристотелевскую силлогистику в качестве фрагмента. При этом, согласно условиям перевода, не требуется накладывать условие на непустоту терминов. Допускаются термины любой синтаксической сложности (см. [1], [2]). При этом термин «химера», «непосредственно представляющий» соответствующий концепт, оказывается переменной, «пробегающей» по пустому множеству: не существует индивида, указав на который, мы могли бы сформулировать истинное утверждение «Этот объект является химерой». Вместе с тем, по замечанию Буридана, уровень сложности ментального концепта и соответствующей ему по конвенции языковой «метки» могут не совпадать. Каждому простому концепту может быть сопоставлено простое описание, каждому сложному — сложное, но в силу природы языка мы в состоянии по собственной воле сопоставить любому сколь угодно сложному концепту простое выражение. Это выражение теперь «непосредственно» означает концепт, а «конечным образом», посредством этого концепта, все то, что «в нем схватывается и понимается» [6, с.838].

Выражение «рассказанное в “Илиаде”» («то, что рассказано в Илиаде», сокращенно «Илиада») соответствует сложнейшему концепту, в котором «схватывается» вся история Троянской войны [6, с. 838–839]. При этом, например, термин «белый человек», по Буридану, означает в качестве своих «конечных сигнификатов» всех людей и все белые предметы вообще, в силу наличия

в его составе терминов «человек» и «белый». Тем не менее, его суппозиция в высказывании «Всякий белый человек способен смеяться» ограничена белыми людьми [6, с. 837]. Термин «Осел, который способен смеяться» в высказывании «Всякий осел, который способен смеяться, бежит» не имеет референтов (*pro nullo supponit*), но это не превращает его в несигнификативный [6, с. 838].

Теперь термину «химера» сопоставляется сложная интенция: «Химера есть животное, состоящее из таких частей тела, из которых ничто не может состоять» [6, с. 839]. Буридан подчеркивает, что определение — номинальное. Здесь не идет речь о том, чем являются химеры, поскольку их нет, но лишь о том, какой именно сложный концепт в разуме (в «познающей душе») соответствует термину «химера». Этот термин означает все то, что мы понимаем посредством терминов «животное», «часть тела», «состоящее из каких-либо частей» (и соответствующих им концептов), но никакой референции (суппозиции) у него нет. Буридан тут же приводит пример другой дефиниции: «Человек есть разумное смертное животное» и подчеркивает, что она не является *номинальной*, то есть посредством нее термину «человек» соответствующая ему интенция (концепт) не сопоставляется [6, с. 839–840]. Эта дефиниция, согласно Буридону, говорит о том, *чем являются* те объекты, которые входят в область *suppositio* термина «человек», те, «для которых он стоит». Термины «человек» и «разумное смертное животное» имеют одинаковую референцию, но, с точки зрения Буридана, это не значит, что мыслимое, «схватываемое» посредством концепта, соответствующего первому, необходимо мыслится, «схватывается» посредством концепта (и его составляющих), соответствующего второму. И наоборот [там же]. В конце концов, человек, согласно Буридону, *не задумывался как смертное существо*. А в льюисовской Нарнии не все разумные и смертные животные — люди. Каждый дирижер симфонического оркестра отличает на слух любой из деревянных духовых от любого из медных. Но Буридан, по-видимому, сказал бы, что концептом «дирижер» могут владеть и те, кто не отличают фагот от тромбона, даже вовсе не имеют понятия о том, что есть такие инструменты.

В интенциональном контексте термин «химера», у которого нет референтов ни в одной возможной, с точки зрения Буридана, ситуации, нельзя поменять на «равный» ему в этом отношении термин «вакуум». «И из этого мы заключаем, что мы не можем вывести одно имя из другого после такого глагола [интенционального], даже если они суппонируют для одного и того же, если только эти имена не являются синонимами [то есть не субординированы одному концепту], или если концепт имени в консеквенте не включен в концепт имени в антецеденте так, что невозможно иметь в душе концепт имени в антецеденте иначе, чем имея концепт имени в консеквенте» [6, с. 295]. Но содержание концепта «химера» нисколько не связано с концептом «вакуум», хотя оба, по Буридону, противоречивы [6, с. 826, 831–841, 843]. То, что содержание понятия А противоречиво, здесь не означает, что для произвольного понятия В верно, что содержание В есть часть содержания А. Необходимо отметить, впрочем, что понятие сложного концепта у Буридана (*complexio*) не является однозначным. Посредством сложных концептов могут «схватываться» объекты или их множества, а могут ситуации целиком. Буридан, например, противопоставляет *scire* («знать») и *congnoscere* («быть знакомым»): «Я знаю, что заведующий кафедрой логики живет в Измайлово», «Я знаком с заведующим кафедрой логики». В первом случае в области действия интенционального оператора оказывается не только именуемое выражение, но и пропозиция целиком. При этом «включенность» в смысле Буридана, если дело касается концептов, посредством которых «схватываются» ситуации, нельзя свести к отношению логического следования: можно *знать, что все люди разумны, и не знать, что по крайней мере некоторые разумные существа — люди*. Мы можем мыслить первую ситуацию, не понимая, что она связана со второй.

Вместе с тем, согласно Буридону, в ряде случаев условием истинности интенциональных высказываний является непустота находящихся в области действия интенционального оператора терминов. Истинность высказывания вида «*k* знает, что *p*» означает, что «*p*» истинно. Соответственно, «Жан знает, что ослы упрямые животные» влечет «Существуют ослы» и «Су-

ществуют упрямые животные». Кроме того, в интенциональных контекстах часто имеет место расширение (*ampliatio*) области референции. Термин может «стоять для прошлых, будущих и возможных объектов» [6, с. 299]. Высказывание «Я думаю о каком-то человеке» является истинным, если я думаю об Аристотеле (которого уже нет) или об Антихристе (которого еще нет). Высказывание «Я думаю о розе» может быть истинным, даже если не существует ни одной розы, розы должны быть *просто возможны*.

Но если так, то, может быть, именно здесь приведенная выше схема подходит для трактовки концепции Буридана? Думаю, что нет. Мне представляется, что, с его точки зрения, дело не в том, что в различных возможных ситуациях один и тот же термин может репрезентировать различные объекты или их наборы. Речь, скорее, о том, что при интенциональном употреблении в одном контексте выражений с одинаковой референцией, но «подчиненных» разным концептам, мы как раз и «задаем» ситуации, отличающиеся друг от друга. При этом их различие Буридан понимает здесь специфически. Оно состоит не в предметных областях, не в состоянии объектов, принадлежащих этим областям, а в наших возможностях судить об этих объектах.

Суждение оценивается как истинное, если соответствует действительности («истине в вещах»). Вместе с тем, это означает, что у нас есть основание для такого суждения. Эта идея, между прочим, была очень близка Е. К. Войшвилло. Отсутствие оснований для суждения об объекте означает невозможность его трактовки как истинного или ложного. Мы просто «угадываем» [4]. В «обычных» случаях основанием для суждения об объектах может считаться совокупная информация, которую содержат все потенциально возможные концепты, посредством которых эти объекты могут «схватываться». Мы могли бы сказать, что описания этих объектов, основанные на такого рода информации, являются «полными». Если термин не пуст, то истинность утверждений об объектах, которые он представляет, сводится к наличию этих утверждений в соответствующем описании, ложность — наличию в этом описании противоречащих утверждений. Предмет рассматривается во всей его полноте, «мы мыслим

предмет как конкретный, как предмет со всеми своими признаками, и обращаемся с ним как с таковым» [4, с. 60].

Положение меняется, если речь идет об интенциональном употреблении: единственным основанием для суждения об объекте становится та информация, которую подразумевает концепт (*ratio, seu conceptus*), соотначаемый соответствующим объекту термином. Это, в свою очередь, означает, что описание объекта, основанное только на этом концепте, может оказаться «неполным», поскольку мы отвлекаемся «от всех других его качеств и свойств, как бы “стирая” их» [там же].

Рассмотрим два понятийных выражения: «человек, занимающий должность старшего преподавателя кафедры логики философского факультета МГУ и родившийся не в Москве» и «человек, присутствовавший на заседании кафедры логики философского факультета МГУ 24 декабря 2013 года, являющийся отцом троих детей, старшая дочь которого является студенткой филологического факультета МГУ». Эти выражения представляют понятия, которые являются непустыми с точки зрения своих фактических объемов, при этом, в объем каждого из них входит единственный элемент, и этот элемент является общим для обоих понятий. С учетом этого мы можем теперь образовать именуемые выражения: «тот самый человек, который занимает должность старшего преподавателя кафедры логики философского факультета МГУ и родился не в Москве» и «тот самый человек, который присутствовал на заседании кафедры логики философского факультета МГУ 24 декабря 2013 года, является отцом троих детей, старшая дочь которого является студенткой филологического факультета МГУ». Теперь мы можем использовать эти дескрипции в составе утверждений, в том числе о представляемых ими объектах, а смыслами этих двух выражений (определенных дескрипций) являются два различных индивидуальных концепта. При этом, если мы имеем право делать утверждение об этих объектах, основываясь только на содержании соответствующих концептов, то наборы этих утверждений будут различными. Отец взрослой дочери является мужчиной, вряд ли это человек моложе 35 лет, но при этом он может иметь, а может не иметь высшее образование (раньше оно не было так

широко распространено). Старший преподаватель МГУ, очевидно, имеет высшее образование, ему полагается знать общий курс логики, но он может быть и совсем молодым человеком, скажем, лет 25-ти, и неизвестно, мужчина это, или женщина. Это значит, в частности, что любое утверждение о половой принадлежности в данном случае окажется необоснованным.

При этом то, что наборы обоснованных утверждений в первом и во втором случае являются разными, не означает, что мы имеем дело с двумя разными объектами в действительности. И известный лейбницевский принцип здесь вовсе не нарушается, поскольку эти утверждения делаются *в разных ситуациях*, основаны на разной информации. При этом мое знание того, что речь идет об одном и том же человеке, не играет здесь ровно никакой роли. Вообще, вопросы о том, что тот или иной субъект знает, а что не знает, почему знает или не знает, не относятся к числу логико-семантических. Содержание понятия в известном смысле объективно. И из того, что я полагаю, что преподаватель должен знать курс, и признаю, что отец должен заботиться о своих детях, вовсе не следует, что *я полагаю, что старшему преподавателю кафедры логики МГУ следует быть заботливым отцом*.

В заключительной части статьи хотелось бы напомнить о том, что Е.К. Войшвилло рассматривал как интенциональные не только прагматические контексты, но и некоторые типы модальных. Нечто подобное, между прочим, можно обнаружить и у Жана Буридана. В конце четвертого раздела работы «*Sophismata*» Буридан с необычной точки зрения анализирует умозаключение формы «Необходимо, что всякий А есть В, и к есть А; следовательно, необходимо, что к есть В» [6, с. 895–897]. Собственный пример Буридана нуждается в дополнительных пояснениях, поэтому я приведу свой: «Необходимо, что все обитатели Московского зоопарка живут на закрытой территории, и этот вот ослик (скажем, по имени Иа-Иа), является обитателем Московского зоопарка; следовательно, Иа-Иа с необходимостью живет на закрытой территории». Силлогистике посвящен Пятый Трактат буридановой «Суммы диалектики», большая часть которого (два раздела) специально посвящены модальной сил-

логистике. Буридан различал, конечно, модальности «в соединительном смысле» и в «разделительном смысле». При этом он предлагал две основные трактовки последних. Модальные высказывания в «разделительном смысле» могут пониматься как ассерторические высказывания с модализированными терминами. При этом при одной трактовке как модализированный рассматривается только предикат, при другой контекст рассматривается как «расширяющий» (в высказывании «все S с необходимостью P» термин «S» стоит не только для тех объектов, которые *являются S*, но и для тех, которые *могут быть S*). При каждой из этих «разделительных» трактовок выше приведенное рассуждение рассматривается как формально правильное: как силлогизм, в первом случае, или как умозаключение с третьей, скрытой, посылкой («все, что есть А, является тем, что может быть А»), — во втором. При этом первая посылка рассматривается как ложная. Поэтому и заключение оказывается ложным. Но Буридан рассматривает приведенное выше умозаключение как неправильное. И это не означает, что речь просто идет о его трактовке в «соединительном смысле». Как мне кажется, различение модальностей в «разделительном смысле» и модальностей в «соединительном смысле» (*de dicta*) не играет здесь роли. Во всяком случае, умозаключение является неправильным не потому, что в любой возможной ситуации обитатели Московского зоопарка находятся за оградой, и Иа-Иа в действительности является обитателем Московского зоопарка, но может перестать им быть, убежать, например. Буридан не стремится «экстенсализировать» этот контекст. Скорее, умозаключение рассматривается здесь по аналогии со знаменитым гегелевским примером о приятной зеленой картине, который так любил Е.К. Войшвилло [3, с. 51]. Буридан в этом случае рассматривает контекст как интенциональный, а оператор необходимости как интенциональный оператор, в области действия которого термины соозначают соответствующие концепты. Высказывание «Все обитатели Московского зоопарка находятся на закрытой территории» рассматривается, скорее, в духе учения о натуральной суппозиции: любое животное, которое *мыслится как обитатель Московского зоопарка*, одновременно *мыслится как живущее на закрытой*

территории. Но индивидуальный концепт, в соответствии с которым используется имя «Иа-Иа» в заключении, и соознаваемый в этом случае, не содержит информации о том, что выделяемый посредством него объект должен находиться в пределах ограды.

Литература

- [1] *Бочаров В.А.* Свободное субъектно-предикатное исчисление // Логический анализ естественного языка. Вильнюс, 1982.
- [2] *Бочаров В.А.* Исчисление предикатов с универсалиями (формальное построение) // Философские основания неклассических логик. М., 1990. С. 55–69.
- [3] *Войшвилло Е.К.* Понятие как форма мышления. М., 1989.
- [4] *Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г.* Логика как часть теории познания и научной методологии. Кн. I. М., 1994.
- [5] *Войшвилло Е.К., Попов О.В.* Проблема истинностного значения высказываний о случайных будущих событиях (фаталистический аргумент Аристотеля) // Логический анализ языка. М., 1997. С. 329–337.
- [6] *Buridan J.* *Summulae de Dialectica*. Yale, 2001.
- [7] *Brown S.F.* Walter Burleigh's Treatise De suppositionibus and its influence on William of Ockham // *Franciscan Studies*. 1972. Vol 32. P. 15–64.
- [8] *Burley W.* *De Puritate Artis Logicae. Tractatus Longior* with revised edition of the *Tractatus Brevior*. New York, 1955.
- [9] *Ockham W.* *Summa Logicae*. New York, 1974.
- [10] *Peter of Spain* *Tractatus*, called afterwards *Summulae Logicales*. Assen, 1972.

References (transliteration)

- [1] *Bocharov V.A.* Svobodnoe sub'ektno-predikatnoe ischislenie // Logicheskij analiz estestvennogo jazyka. Vil'njus, 1982.
- [2] *Bocharov V.A.* Ischislenie predikatov s universalijami (formal'noe postroenie) // Filosofskie osnovanija neklassicheskikh logik. M., 1990. P. 55–69.
- [3] *Vojshvillo E.K.* Ponjatie kak forma myshlenija. M., 1989.
- [4] *Vojshvillo E.K., Degtjarev M.G.* Logika kak chast' teorii poznanija i nauchnoj metodologii. Vol. I. M., 1994.

- [5] *Vojshvillo E.K., Popov O.V.* Problema istinnostnogo znachenija vyskazyvanij o sluchajnyh budushhih sobytijah (fatalisticheskij argument Aristotelja) // Logicheskij analiz jazyka. M., 1997. P. 329–337.
- [6] *Buridan J.* Summulae de Dialectica. Yale, 2001.
- [7] *Brown S.F.* Walter Burleigh's Treatise De suppositionibus and its influence on William of Ockham // Franciscan Studies. 1972. Vol 32. P. 15–64.
- [8] *Burley W.* De Puritate Artis Logicae. Tractatus Longior with revised edition of the Tractatus Brevior. New York, 1955.
- [9] *Ockham W.* Summa Logicae. New York, 1974.
- [10] *Peter of Spain* Tractatus, called afterwards Summulae Logicales. Assen, 1972.